

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Новосибирск-2008

На правах рукописи

Научный руководитель: доктор исторических наук *Нестеров Сергей Павлович*

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор *Ларичев Виталий Епифанович* Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

кандидат исторических наук, доцент *Болотин Дмитрий Петрович*

ГОУ ВПО “Благовещенский государственный педагогический университет”

Ведущая организация: ГОУ ВПО “Дальневосточный государственный университет”

Защита состоится 11 июня 2008 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской

академии наук по адресу: 630090 г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Автореферат разослан “ ” мая 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета доктор исторических наук С.В. Маркин

Работа выполнена в Отделе археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Появление и начало использования железа на Корейском полуострове, а также пути развития и трансформации вовлеченных в этот процесс археологических культур – одна из наиболее острых дискуссионных проблем корейской археологии, и этому вопросу посвящено немало работ. Преобладает мнение, что культуры раннего железного века Кореи складываются под действием внешнего импульса: железные изделия попадают на Корейский полуостров, главным образом, с территории царства Янь и ханьского округа Лолан [см., например, Юн Донсок, 1985].

Основная проблема такого подхода к этому вопросу заключается в том, что в его рамках абсолютизируется значимость данных центров в формировании культур раннего железного века в Восточной Азии в целом. Несомненно, что влияние с их стороны сыграло заметную роль в этот период, в том числе и на Корейском полуострове, но оно не могло быть доминирующим, всеобъемлющим и равнозначным для всех районов Кореи. В связи с этим возникает вопрос о локальной специфике культур раннего железного века Корейского полуострова, а также о существовании на этой территории отдельных центров их формирования, демонстрирующих иной, связанный не только с царством Янь и округом Лолан, характер культурогенеза. Кроме того, этот подход оставляет открытым вопрос о том, какие процессы протекали на Корейском полуострове в период между

падением Янь и образованием ханьских округов (III–II вв. до н.э.).

На территории Корейского полуострова в настоящее время выделены северо-западный, северо-восточный, центральный и южный центры формирования культур раннего железного века. Можно согласиться с мнением большинства исследователей, что на северо-запад Кореи железо попадает из царства Янь в период Чжаныго, т.е. не ранее IV в. до н.э. [Ли Намгю, 2002]. Что касается двух других центров, то процесс их формирования, по-видимому, носил несколько иной характер. Появление железа в центральных и южных районах Корейского полуострова объясняется южнокорейскими учеными воздействием со стороны округа Лолан во II–I вв. до н.э. [Ли Намгю, 1982]. Однако данное утверждение не основано на новых материалах, полученных в ходе археологического изучения памятников этого региона. Проблема появления железа в северо-восточной Корее остается до сих пор малоизученной. Отсутствие массовых находок железных изделий в хорошо датированных комплексах не позволяет в настоящий момент считать предлагаемую северокорейскими учеными дату начала железного века на этой территории (VII–V вв. до н.э.) окончательной [Хван Гидок, 1963, 1975; Бутин, 1982].

Таким образом, начало железного века в различных частях Корейского полуострова происходило на фоне взаимодействия с разными культурами сопредельных регионов. Культуры этого периода в Корее обладают локальной спецификой и исследованы не равномерно. Кроме того, нет обобщающего анализа археологических источников по раннему железному веку северо-восточной и центральной Кореи, поэтому все выводы о культуре населения данных территорий, были сделаны только на основании письменных источников [см., например, Хангукса, 1997; Бутин, 1984]. В настоящее время накоплено большое количество археологических материалов, позволяющих связать появление железа в этом районе с памятниками археологической культуры чундо. Таким образом, актуальность работы определяется возможностью дополнить наше представление о начале железного века на до сих пор не достаточно изученных в этом отношении частях Корейского полуострова – северо-восточной и центральной. Кроме этого, вводится в научный оборот широкий круг источников по раннему железному веку Кореи, который позволит отечественным исследователям познакомиться с материалами с этой территории, находящими аналогии в культурах сопредельных территорий, как северо-восточного Китая, так и российского Приморья. Изучения раннего железного века северо-восточной и центральной Кореи по археологическим источникам в дальнейшем поможет в исследовании этнокультурных процессов в Восточной Азии в целом.

Цель и задачи исследования. Целью работы является обобщающая характеристика археологической культуры чундо северо-восточного и центрального районов Корейского

полуострова и определение ее места среди синхронных культур сопредельных регионов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1) всесторонне проанализировать археологические комплексы с керамикой типа чундо (определить специфические черты найденных жилищ и инвентаря, выделить основные характеризующие культуру компоненты и ее локально-хронологические варианты);

2) уточнить хронологические рамки периода существования памятников;

3) сравнить материалы с территории северо-восточной и центральной Кореи с материалами культур российского Дальнего Востока, в частности, кроуновской культуры Приморья (культуры туаньцзе в северо-восточном Китае).

Территориальные рамки работы определяются ареалом памятников типа чундо и сложившимся еще с эпохи неолита делением Корейского полуострова на археологические микрорайоны (северо-восточный, северо-западный, центральный, юго-западный и юго-восточный) [Шоков, 1962]. Они включают северо-восточную (пров. Хамгён-пукто КНДР) и центральную (пров. Канвондо Республики Корея) часть Корейского полуострова.

Территория северо-восточной и центральной Кореи представляет собой уникальный в географическом отношении регион. Протянувшиеся с севера на юг горные хребты Хамгён, Нанним и Тхэбэк, средняя высота которых составляет 1000–1500 м над уровнем моря, образуют естественную границу, разделяющую эту часть Корейского полуострова по линии север-юг на достаточно изолированные друг от друга районы – восточный и западный. Северо-восточная Корея на севере граничит с российским Приморским краем и пров. Цзилинь КНР. Данные обстоятельства не могли не повлиять на формирование и развитие археологических культур этой территории, в том числе и культуры раннего железного века. Они предполагают наличие связей между культурами северо-восточной и центральной Кореи с одной стороны, и российского Приморья и пограничных районов северо-восточного Китая (Маньчжурии), с другой.

Хронологические рамки исследования определяются в соответствии с датировкой раннего железного века северо-восточного и центрального районов Корейского полуострова в Северной и Южной Корее. Согласно периодизации древней истории северо-восточной Кореи, северокорейские археологи относят начало этого периода к VII–IV вв. до н.э. [Хван Гидок, 1963, 1975; Восточная Азия, 1986]. Однако археологических материалов, подтверждающих эту датировку, нет, поэтому начало железного века на территории Северной Кореи в целом можно датировать не ранее IV в. до н.э. Именно в это время литое железо (чугун) получает широкое распространение в соседней Маньчжурии [Восточная Азия, 1986; Воробьев, 1994]. На территории центрального Китая, Приамурья и Приморья первые предметы из железа появились намного раньше (в XII–VIII вв. до н.э.) [Деревянко, 1973; Андреева, 1977; Восточная Азия, 1986]. Однако это явление, затронувшее центральный Китай и российский Дальний Восток, практически никак не сказалось на культурах Корейского полуострова, где в то время господствовали культуры неолита и бронзового века.

Датировка первого этапа раннего железного века в южнокорейской археологии определяется в рамках III в. до н.э. – рубеж эр. В этот период на памятниках южной части Корейского полуострова появляются первые железные изделия. [Ким Вольлён, 1986]. Однако археологические комплексы с керамикой типа чундо в южной Корее полуострова фиксируются и в более поздний период, в «эпоху прото-троецарствия» (на втором этапе раннего железного века), которая датируется рубежом эр – III в н.э [Ким Вольлён, 1986; Когохак саджон; Курбанов, 2002; Ли Гибэк, 2000; Тихонов, 2003].

Таким образом, хронологические рамки данной работы в целом охватывают период IV в. до н.э.–III в. н.э. Однако поскольку одна из задач данной работы состоит в определении хронологии памятников раннего железного века северо-восточной и центральной Кореи, мы предварительно обозначим ее хронологические рамки периодом второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Источниковую базу данного исследования составляют опубликованные корейскими археологами полевые отчеты, обобщающие статьи, монографии и каталоги музейных коллекций, содержащие информацию о памятниках типа чундо северо-восточной и центральной Кореи. Необходимо отметить, что таких памятников пока выявлено немного, и большая часть их находится на юге – в центральной Корее. Это связано, прежде всего, с тем, что в археологическом отношении северо-восточная часть Корейского полуострова обследована достаточно слабо. В целом, в работе используются материалы 23 памятников, которые, в соответствии с их приуроченностью к определенным гидрологическим объектам, дифференцируются на пять локальных групп:

1) бассейн р. Туманган (нижнее течение) – 4 памятника: О. Чходо, Одон, Помый Кусок (Хогогдон) и Кананни-1;

2) бассейн р. Имджинган (верхнее течение р. Хантханган) – 1 памятник: Васури;

3) бассейн р. Пукханган (среднее течение) – 3 памятника: О. Чундо, Синмэри и Синмэри-54/4;

4) бассейн р. Намханган (среднее течение) – 3 памятника: Туннэ, Хваджонни и Чунгымни;

5) побережье Японского (Восточного) моря – 12 памятников: Капхённи, Чигённи, Йонхори 127, Анинни, Тондонни, Кёханни, Канмундон, Канмундон I–V, Канмундон-болото, Чходандон-57/2, Пёнсандон, Сонджондон.

На этих памятниках выявлено 232 объекта культуры чундо, 197 из них – жилища. Количество находок составляет более 2900 экз.

При написании некоторых частей работы привлекались публикации отчетного характера и специальные работы на русском, китайском, английском, японском языках, посвященные синхронным культурам соседних территорий (кроуновской, туаньцзе, урильской, польцевской, талаканской). Следует обратить внимание на зачастую неудовлетворительное качество представления материала в старых северокорейских и китайских изданиях: скромное количество иллюстраций, на которых часто отсутствует не только масштаб, но и какие-либо указания на реальные размеры находок и конструкций.

Для сравнения керамических комплексов культуры чундо и кроуновской культуры использовалась выборка из 44 сосудов, которые хранятся в фондах Музея ДВГУ, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и

Института археологии и этнографии СО РАН. Сосуды были обмерены и большей частью зарисованы автором в ходе работы с археологическими материалами в фондах соответствующих учреждений.

Ценный корпус источников для анализа культуры чундо представляют также абсолютные даты; материалы средневековых письменных источников «Самгук саги» и «Саньгочжи», переведенные на русский язык М.Н. Паком и содержащие его комментарии; опубликованные в отчетах результаты различных естественно-научных анализов (палеоботанических, палеозоологических и т.д.).

Методологической основой данного исследования стал комплексный подход к изучению археологического источника – археологической культуры.

С процедурой выделения и изучения археологических культур связано представление о культурно-значимых признаках или категориях [см., например, Клейн, 1991], которые являются непосредственным критерием культурной идентификации археологических памятников [Яншина, 2004].

Основным средством культурной идентификации в данной работе выступают керамические коллекции. Керамика – наиболее массовая, по сравнению с другими, категория находок и, по мнению некоторых исследователей, именно она представляет собой «своеобразный культурный и этнический индикатор» [Молодин, 1990]. Изучение массового керамического материала является основой для систематизации и периодизации древних культур [Жушиховская, 2004]. Однако в связи с тем, что в керамике типа чундо орнаментированные сосуды составляют не более 1%, в качестве культурно-значимого признака мы взяли только детали морфологии сосудов. Аналогичный подход был применен исследователями при выделении памятников кроуновской культуры, керамика которой в основном без орнамента. Кроуновская культура является наиболее близкой к комплексам типа чундо в территориальном отношении и по характеру материала [см., например, Окладников, 1959; Эдаков, 1970, Бродянский, Дьяков, 1984; Окладников, Бродянский, 1984; Жушиховская, 1984; и т.д.]. После выделения в отдельную группу памятников со сходным керамическим материалом, был проведен анализ всего комплекса культуры: поселений и найденных на них конструкций (жилища и хозяйственных построек), керамики, металлических, каменных, глиняных и др. изделий, палеоботанических и палеозоологических останков.

При анализе археологических источников в работе применялся набор методов, характерных для большинства археологических исследований: картографический, типологический с элементами статистического анализа, стратиграфический, планиграфический, метод датировки по аналогиям, методы абсолютного и относительного датирования.

Для передачи корейских имен собственных и терминов на русский язык использовалась русская система транскрипции корейских слов, разработанная Л.Р. Концевичем [2001].

Научную новизну данного исследования определяют следующие моменты. Впервые были выделены общие черты памятников типа чундо, установлена их территориальная и хронологическая близость, а также сходство особенностей хозяйственной жизни населения изучаемой территории в раннем железном веке; введен в оборот отечественной науки большой объем материала, связанного с культурой раннего железного века той части Корейского полуострова, которая непосредственно примыкает к территории российского Приморья, но до сих пор остается не достаточно полно представленной в обобщающих работах как корейских, так и отечественных ученых; проведено сравнение культуры чундо с ее ближайшим аналогом – кроуновской культурой Приморья и сделаны общие выводы о характере их взаимосвязей и этнокультурной ситуации на территории российского и зарубежного Дальнего Востока в раннем железном веке. Тем самым удалось достаточно полно показать роль культуры чундо в переходе к железному веку и становлении производства железа на территории Кореи в целом.

Апробация работы. По материалам диссертационного исследования было опубликовано 7 работ: 5 статей (одна из них – в издании, рекомендованном ВАК), 1 коллективная монография-отчет и 1 авторская монография. 4 работы написано на русском языке, монография и статья – на корейском языке и монография-отчет – на русском и корейском языках. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН в 2005 и 2006 г., а также на первой региональной конференции студентов и молодых ученых «История и культура Кореи», проходившей в апреле 2007 г. в Новосибирском государственном университете.

Практическая значимость работы. Представленные в работе результаты могут быть использованы для проведения обобщающих исследований культур раннего железного века и раннего средневековья российского и зарубежного Дальнего Востока. Некоторые разделы работы могут быть востребованы при подготовке специального

курса по древней истории Кореи для преподавания в ВУЗах.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, сводных таблиц (приложения 1) и альбома иллюстраций (приложения 2).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность темы, цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки, комплекс используемых источников, научная новизна и апробация работы.

Глава 1 «История изучения и проблематика исследований памятников типа чундо» представляет собой обобщающий обзор истории изучения памятников типа чундо в северной и южной Корее, поставленных исследователями проблем и попыток их решения в рамках научных школ обоих государств.

Изучение культуры железного века в Корее открывают раскопки раковинной кучи Кимхэ, проводившиеся в начале XIX в. японскими учеными Иманиси Рю, Тории Рюдзо Куроита Катсуми, Хамада Косаку, Умехара Суэдзи, Каямото Рихито. На основании того, что здесь преобладали костяные и каменные изделия, а обнаруженные металлические предметы были крайне малочисленны, японские исследователи отнесли эти материалы не к железному веку, а к так называемому «периоду одновременного использования металла и камня», датированному впоследствии III в. до н.э. – III в. н.э.

Изучение местонахождений железного века, по материалам которых появилась возможность доказать существование этого периода на Корейском полуострове, было начато северокорейскими исследователями. Первым таким памятником стало поселение О. Чходо (1949 г.). Невысокий уровень методики раскопок многослойных комплексов не позволил тогда ученым КНДР соотнести найденный материал с определенными археологическими периодами, и основной массив находок был отнесен ими к эпохе неолита [То Юхо, 1956]. Отечественным исследователям удалось выделить на пос. О. Чходо комплексы бронзового и раннего железного века [Ларичев, 1978; Бутин, 1982].

В дальнейшем северокорейскими археологами были исследованы такие содержащие комплекс типа чундо памятники, как Одон (1954, 1955 гг.), Помый Кусок (1959–1960 гг.) и Кананни-1 (1974 г.). Результаты раскопок поселений Одон и Помый Кусок неоднократно использовались в работах российских археологов-востоковедов М.В. Воробьева, Ю.М. Бутина, В.Е. Ларичева. Данные памятники являются базовыми для изучения культуры раннего железного века северо-восточной Кореи. В этом отношении особенно важным является многослойное поселение Помый Кусок, где были выявлены хронологические горизонты эпохи неолита, бронзы и раннего железного века. Основным итогом его исследования стала периодизация древней культуры северо-восточной Кореи, которая легла в основу последующего изучения археологических культур этого региона в КНДР. Что касается пос. Кананни-1, то его материалы рассматриваются впервые в рамках данной работы.

В настоящее время поселения О. Чходо, Одон, Помый Кусок и Кананни-1 – все известные на территории северо-восточной Кореи объекты культуры чундо. Это обстоятельство обусловлено, вероятно, не отсутствием таких памятников в данном регионе, и даже не тем, что их раскопки не ведутся. Скорее всего, материалы раскопок археологических памятников КНДР не публикуются или же публикуются через десятки лет после того, как памятник был исследован.

Первым памятником с комплексом типа чундо, выявленным в центральной Корее, стало пос. Маджанни (1951–1952 гг.), открытое случайно в ходе военно-полевых учений майором вооруженных сил США Х. Э. Мак Кордом. В Республике Корея самостоятельное изучение раннего железного века и памятников типа чундо началось позже, чем в КНДР. Опорные объекты этого времени в центральном районе Корейского полуострова были исследованы преимущественно в 1960–1990-е гг.: сначала в провинции Кёнгидо (1960–1970-е гг.), а затем в провинции Канвондо (1980–1990-е гг.). На протяжении этого периода проводились раскопки таких памятников, как городище Пхуннамни (1964 г.), поселения Игонни (1978 г.), О. Чундо (1980, 1982 гг.), Чходандон (1981 г.), Туннэ (1983 г.), Капхённи (1983 г.), Анинни (1989–1991 гг.).

В целом, 1960–1990-е гг. в южнокорейской историографии можно охарактеризовать как период накопления и расширения корпуса археологических источников по раннему железному веку. Опубликованные в это время работы корейских ученых носят, скорее, ознакомительный, чем аналитический характер. Но в них культура чундо уже выделяется как самостоятельный феномен, обладающий достаточно яркой спецификой: гладкостенной керамикой с плотным черепком, подпрямоугольными с входом коридорного типа или двухкамерными жилищами, набором железных изделий.

В результате работ, проводившихся южнокорейскими археологами во второй половине 1990–2000-х гг., в центральной Корее было открыто и изучено большое количество новых памятников типа чундо. Проводилось также повторное изучение уже раскопанных ранее местонахождений. Таким образом, возникла необходимость в обобщении и систематизации этих материалов, во введении их в научный оборот мировой науки и в решении проблемы начала железного века на Корейском полуострове. Имеющийся объем материала поставил перед исследователями культуры раннего железного века ряд проблем.

На первом месте стоит вопрос о происхождении гладкостенной керамики с плотным черепком и связанная с ним проблема возникновения всего комплекса типа чундо. Все точки зрения на эту проблему можно разделить на две группы. К первой относятся «гипотезы автохтонного происхождения керамики и комплекса типа чундо», согласно которым данный феномен сформировался на основе местных культур эпохи бронзы [Ким Вольён, 1986; Ли Хонджон, 1991, 1996; Пак Сунбаль, 2001].

Данные точки зрения представляются не вполне состоятельными, т.к. полный прототип комплексу типа чундо среди памятников эпохи бронзы не найден.

Вторую группу составляют работы, авторы которых связывают появление керамики и комплекса типа чундо на Корейском полуострове с влиянием культур северо-восточной Азии и российского Приморья [Ли Гонму, 1986; Но Хёкджин, 2004]. Эти исследования представляют собой лишь попытку комплексного изучения феномена типа чундо, зачастую не подкреплены детальным анализом даже керамического комплекса, не говоря уже об остальных археологических материалах, и пока остаются не более чем гипотезами.

Таким образом, все попытки решить проблему происхождения памятников типа чундо и связанный с ней вопрос о начале раннего железного века в северо-восточном и центральном районе Корейского полуострова в рамках корейской археологии до сих пор не имели видимого успеха. Это произошло потому, что данные аспекты необходимо рассматривать в комплексе. В первую очередь требуется детальный анализ и систематизация материалов культуры чундо, создание ее обобщающей характеристики. На этой основе уже появляется возможность прояснить целый ряд вопросов хронологии, периодизации и связей этой культуры с синхронными культурами на сопредельных территориях. Кроме того, для решения означенных проблем должен быть проведен всесторонний анализ не только материалов культуры чундо, но и кроуновской культуры Приморья, необходимо привлекать также северокорейские и китайские

материалы. В настоящий момент это достаточно сложно из-за малого количества опубликованных источников и трудностей, связанных с доступом к археологическим материалам с территории КНР и КНДР. И данная работа представляет собой только попытку решения этих проблем на основании всех имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Глава 2 «Памятники и комплекс материальной культуры типа чундо» посвящена характеристике памятников и комплекса материальной культуры типа чундо.

Первый раздел данной главы содержит общие сведения о памятниках типа чундо. Все памятники культуры чундо являются приуроченными к пойменным или морским террасам поселениями. Их можно разделить на несколько типов:

1) однослойные, содержащие материалы только культуры чундо: О. Чундо, Туннэ, Тондонни, Кёханни, Сонджондон, Чходандон-57/2;

2) многослойные, содержащие материалы нескольких археологических периодов:

А) неолита -> бронзового века -> раннего железного века: Чунгымни;

Б) неолита -> раннего железного века: Капхённи, Йонхори;

В) бронзового века -> раннего железного века: Одон, Помый Кусок, Кананни-1, Васури, Синмэри, Синмэри-54/4;

Г) бронзового века -> раннего железного века -> раннего и развитого средневековья: О. Чходо, Хваджонни;

Д) раннего железного века -> раннего средневековья: Канмундон, Канмундон-болото.

Поселения культуры чундо занимают место в относительной хронологии археологических культур Корейского полуострова между бронзовым веком и ранним средневековьем. Наиболее распространены многослойные памятники. Это обстоятельство является подтверждением того, что места расположения поселений культуры чундо (пойменные и морские террасы) были заселены еще с эпохи неолита и вплоть до развитого средневековья. Те памятники, где напластования с материалами культуры чундо перекрывают слои бронзового века (О. Чходо, Одон, Помый Кусок, Кананни-1, Васури, Синмэри, Синмэри-54/4, Хваджонни), наиболее перспективны в плане изучения переходного от бронзового к раннему железному веку времени. Соответственно, те поселения культуры чундо, на которых слои раннего железного века перекрыты пластами средневековых культур (О. Чходо, Хваджонни, Канмундон и Канмундон-болото), дают ценный материал для исследования связи культуры чундо с культурами раннего средневековья (династий Пэкче и Силла).

Во втором разделе рассматриваются особенности конструкции жилищ и других объектов культуры чундо.

По форме котлованов в плане жилища культуры чундо можно разделить на 4 типа: подквадратные (тип А); подпрямоугольные (тип Б); преимущественно подквадратные, реже – подпрямоугольные, с входом-коридором (тип В); двухкамерные (тип Г).

Характеристика каждого из выделенных типов не ограничивается только формой котлованов. В работе также рассмотрены особенности конструкции их пола, стен, кровли и отопительных сооружений.

Для большинства жилищ культуры чундо характерны:

- подквадратная в плане форма котлованов;

- пол с утрамбованной подсыпкой из грунта;

- у жилищ с фиксируемым входом – оформление его в виде коридора в южной стенке котлованов;

- расположение столбовых ям по периметру котлованов так, что они одновременно выполняли функцию и ограждающих, и опорных конструкций;

- обмазка деревянного каркаса стен глиной; присыпание деревянной кровли жилищ грунтом;

- наличие простых (костры, слегка углубленные в пол ямы) и сложных (в виде каменных обкладок или «каменных ящиков» и выкладок, очагов с глиняным бортиком и т.д.) форм отопительных сооружений;

- широкое применение камня и глины для строительства последних.

Предложенная типология отражает как географическое распространение жилищ с определенными конструктивными особенностями, так и их относительную хронологию. Вероятно, подпрямоугольные жилища типа Б с простыми очагами в виде костров, слегка углубленных в пол ям и кольцевых каменных выкладок, являются ранними, а двухкамерные жилища типа Г с очагами в виде сплошных каменных выкладок с камнем-экраном на одной из сторон очажной конструкции – поздними. Жилища типа Б представлены, главным образом, на территории северо-восточной Кореи, а жилища типа Г – в бассейне р. Намханган и на побережье Японского моря. Жилища типа А сходны с жилищами типа Г по конструкции очагов (пос. О. Чундо) и также могут быть отнесены к позднему варианту. Жилища типа В, которые представлены на всей территории центральной Кореи и могли быть переходным вариантом от жилищ типа Б к жилищам типа А и Г. Среди них есть как ранние, так и поздние сооружения. Для построения относительной хронологии комплексов культуры чундо одного изучения характерных для них конструкций явно недостаточно. Существует необходимость в детальном анализе вещественного материала.

Кроме жилищ на поселениях культуры чундо обнаружен ряд вспомогательных

сооружений: хозяйственные постройки типа хранилищ, ямы, открытый очаг, дренажный ровик. Наличие построек-хранилищ рядом с жилищами, а также хозяйственных ям с тарной посудой в самих жилищах, может свидетельствовать о том, что поселения культуры чундо были долговременными, а население вело относительно оседлый образ жизни.

Третий раздел данной главы посвящен анализу комплекса вещественных материалов культуры чундо: керамики, металлических, каменных, костяных, глиняных, деревянных изделий, палеоботанических и палеозоологических останков.

Гладкостенная керамика с плотным черепком, по сравнению с неорнаментированной посудой эпохи бронзы, – наиболее яркая черта предметного комплекса типа чундо.

Среди сосудов преобладают закрытые банки и горшки с широким и низким воронковидным горлом. Для целой серии изделий горшковидной формы характерны удлинённые пропорции. К специфическим особенностям керамики типа чундо принадлежат сосуды с ручками-«пеньками»; сосуды с решетчатым дном, у которых выделяется центральное отверстие, вокруг которого сосредоточены еще несколько других отверстий; сосуды с единичным отверстием в днище; чаши на поддоне типа доу с полым усеченно-коническим поддоном; чаши на трёх-четырёх ножках. Керамический материал культуры чундо не однороден. По степени присутствия в комплексах различных типов сосудов выделены локально-хронологические варианты: северо-восток и север центральной части Корейского полуострова, с одной стороны, и расположенные южнее них центральные области Кореи, с другой.

Бронзовые вещи в культуре чундо не многочисленны и представлены единичными находками ханьских монет ушу и украшений. В наборе железных изделий преобладают наконечники стрел, ножи, кельты, серпы. Кельты могли применяться для обработки земли, а серпы представляют собой уже специализированные орудия для сбора урожая. Каменный инвентарь характеризуется большим количеством шлифованных наконечников стрел, точил, топоров и тесел, кинжалов, полулунных жатвенных ножей, пряслиц, и в целом, продолжает традицию поздней бронзы. Костяной инвентарь представлен в основном на памятниках северо-восточной Кореи. В данной категории выделяются такие оригинальные находки, как лопатки животных с отверстиями, известные в иньском Китае как ритуально-магические предметы («гадательные кости»). Изделия из глины включают преимущественно дисковидные пряслица, диски (заготовки пряслиц, изготовленные из фрагментов сосудов) и трубки – сопла металлургических горнов. Они свидетельствуют о существовании у населения культуры чундо прядения,

ткачества и производства металла. К категории деревянных предметов относятся пряслица и остатки поворотных кругов для обработки внешней поверхности сосудов. Экофакты с поселений культуры чундо включают карбонизированные зерна растений (в основном, фасоли красной, сои, ячменя, проса, пшеницы), кости животных (главным образом, свиньи) и раковины морских моллюсков.

Исследование особенностей поселений и жилищ, а также набора найденных на них артефактов и экофактов, позволяет высказать предположение, что культура населения северо-восточной и центральной Кореи в раннем железном веке относится к хозяйственно-культурному типу ручных земледельцев лесной зоны умеренного климатического пояса. Основным занятием жителей этих районов было земледелие, а подсобными видами хозяйственной деятельности – животноводство, охота, рыболовство и морское собирательство.

Глава 3 «Культура чундо Корейского полуострова и ее место среди культур сопредельных территорий» освещает круг вопросов о взаимодействии культуры чундо с культурами на сопредельных территориях российского Приморья и Маньчжурии.

Памятники и вещественные материалы культуры чундо находят аналоги в кроуновской (туаньцзе), отчасти – в польцевской культуре российского Дальнего Востока и в культуре ханьского округа Лолан. Наибольшее сходство с кроуновским (туаньцзе) комплексом характерно для памятников типа чундо в северо-восточной Корее, несколько меньшее – в северных районах центральной Кореи (бассейнов рек Пукханган, Хантханган и побережья Японского моря). В материалах культуры чундо бассейна р. Намханган сходства с кроуновской (туаньцзе) культурой прослеживаются слабо. С кроуновской культурой и ее практически полной аналогией, культурой туаньцзе, комплекс типа чундо связывают особенности конструкций жилищ, морфология керамики, железные изделия, характер хозяйственной жизни населения. В этих культурах представлены жилища с котлованами с входом коридорного типа, двухкамерные жилища. Жилища имеют деревянный каркас, который обмазывался глиной. В жилищах ранних этапов культуры чундо и кроуновской культуры часть столбов внутри расположена в средней части котлованов. Преобладают простые формы отопительных сооружений – костры, слегка углубленные в грунт ямы без дополнительных конструкций, очаги-«каменные ящики» и т.д. Для сооружения очагов широко применяется камень и глина. Во всех трех культурах отмечены сходные типы керамики, металлических изделий. У населения культуры чундо и кроуновской (туаньцзе) культуры сложился, по-видимому, один и тот же хозяйственно-культурный тип.

К кроуновской культуре и культуре туаньцзе исследователи относят погребения в каменных ящиках (Сопка Известковая, Сяоинцзы). В настоящий момент культурная атрибуция каменного ящика с памятника культуры чундо Помый Кусок вызывает сомнения, но дальнейшее накопления источников по данному вопросу как с территории Кореи, так и с соседних районов Приморья и Маньчжурии, может пролить свет на характер погребального обряда культуры чундо.

Предметы ханьского типа, распространявшиеся на территории Корейского полуострова через округ Лолан, а также предметы польцевского типа (чугунные кельты) присутствуют на памятниках культуры чундо в бассейнах рек Туманган, Пукханган и Имджинган. О наличии контактов между населением культуры чундо и округом Лолан говорят также и письменные источники [Ким Бусик, 1995]. Что касается аналогий с польцевской культурой, то кроме кельтов, других предметов польцевского типа на территории Корейского полуострова не обнаружено. Существует точка зрения, согласно которой чугунные кельты польцевского облика были предметом импорта и имели довольно широкий ареал бытования [Краминцев, 1996]. Находки таких предметов в культуре чундо подтверждают эту гипотезу.

На основании связей культуры чундо с сопредельными территориями и полученных в последнее время абсолютных дат, удалось построить относительную и абсолютную хронологию памятников культуры чундо. Комплексы в бассейне р. Туманган, для которых абсолютные даты отсутствуют, можно датировать только методом аналогий, поскольку большая часть материалов этих памятников сходна с материалами кроуновской культуры российского Приморья. Самые ранние памятники культуры чундо выявлены в бассейнах рек Пукханган и Имджинган. Мы можем их датировать IV–III в. до н.э. – I в. На территории южных районов центральной Кореи (в бассейне р. Намханган) и отчасти в бассейне р. Пукханган, на побережье Японского моря, отмечены поздние комплексы культуры чундо, часть материалов которых можно отнести уже к периоду, переходному к раннему средневековью. Они датируются I–III вв. и даже более поздним временем. Время появления памятников культуры чундо в целом совпадает с поздним периодом существования кроуновских комплексов в Приморье – IV–III вв. до н.э.

Заключение.

Переход к железному веку в северо-восточном и центральном районе Корейского полуострова тесно связан с культурой чундо. И одним из важных итогов данной работы является ее детальная характеристика, основанная на анализе всех основных ее составляющих – поселений и выявленных на них конструкций, керамического комплекса,

бронзовых, железных, каменных, глиняных, деревянных артефактов и экофактов.

В исследовании разработана хронология этой культуры. Благодаря этому удалось уточнить время начало железного века в северо-восточной и центральной Корее – IV–III вв. до н.э. Примерно к тому же времени относятся железные изделия царства Янь, найденные на территории северо-западной Кореи. Таким образом, переход к железному веку на всей территории севера Корейского полуострова произошел практически одновременно.

Тем не менее, этот процесс протекал в Корее в контексте взаимодействия с различными культурами на сопредельных территориях. Население северо-западной Кореи активно контактировало с китайским царством Янь. Анализ материалов этого периода с памятников северо-восточной и центральной Кореи позволил утверждать, что культура населения этого региона имеет много общего с кроуновской культурой Приморья, называемой китайскими археологами культурой туаньцзе. Ряд найденных на памятниках культуры чундо вещей представляет собой предметы импорта из ханьского округа Лолан, а кельты с веерообразным лезвием, по-видимому, имеют польцевское происхождение.

Был изучен вопрос о характере связей культуры чундо с кроуновской (туаньцзе) культурой. В результате было высказано предположение, что культура чундо ведет свое происхождение от кроуновской (туаньцзе) культуры Приморья и северо-восточного Китая. Ее появление на Корейском полуострове, по всей видимости, связано с продвижением кроуновского населения из южного Приморья на северо-восток и далее в центральные области Кореи. На основании детального анализа сведений китайских письменных источников, исследователи пришли к выводу об этническом сходстве населения кроуновской (туаньцзе) культуры и культуры чундо [Бутин, 1984]. Отождествление населения кроуновской (туаньцзе) культуры с известными по письменным источникам племенами воцзюй (окчо) уже давно является общепризнанным в китайской историографии, и с этим выводом согласны многие отечественные историки и археологи. Население культуры чундо можно считать упоминающимся в письменных источниках народом е («Саньго чжи») или мальгаль («Самгук саги»), поскольку время и территория описываемых этими историческими сочинениями событий совпадают с датировкой и ареалом этой культуры. По мнению некоторых историков, народ воцзюй (окчо) в этническом отношении представляет собой восточную ветвь племен е [Бутин, 1984]. Результаты анализа материалов культуры чундо позволяют предположить, что, напротив, народ е были частью племен воцзюй.

Таким образом, в IV–III вв. до н.э. на территории Корейского полуострова шло взаимодействие пришлой кроуновской культуры и местной традиции эпохи бронзы. Результатом этого взаимодействия стала культура чундо.

Данным исследованием весь круг проблем, связанных с памятниками типа чундо, не исчерпан. Из-за отсутствия материала осталась не разработанной такая важная тема, как погребальный обряд этой культуры. Изучение погребений в перспективе поможет не только дополнить ее характеристику, но и прояснить ряд вопросов, связанных с духовной жизнью населения северо-восточной и центральной Кореи в раннем железном веке. Не получили достаточного освещения в работе вопросы, связанные с хозяйственной жизнью населения культуры чундо, технологией производства гладкостенной керамики типа чундо, трансформацией культуры туаньцзе и происхождении кроуновской культуры. Для решения этих проблем требует расширение круга археологических источников не только посредством поиска и раскопок новых памятников, но также и путем взаимодействия представителей археологических школ КНДР, КНР, России и Республики Корея.

Список основных работ опубликованных по теме диссертации

(общий авторский вклад 15,4 п.л.)

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Субботина А.Л. Жилища культуры чундо Северо-Восточной и Центральной Кореи // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – С. 161–173 (авторский вклад 0,9 п.л.).

Монографии:

2. Субботина А.Л. Чхольги сидэ Хангук-ква Росиа Ёнхэджу-ый тхоги мунхва пигё ёнгу: кёнджилъ мумун тхоги-рыль чунсим-ыро (Неорнаментированная керамика раннего

железного века на российской территории Приморья и Корейском полуострове: сравнительное исследование). – Сеул: Изд-во Сеульского нац. ун-та, 2005. – 149 с. (на кор. яз., авторский вклад 7,9 п.л.).

3. Древние памятники Южного Приморья. Отчет о раскопках на сопке Булочке в 2005 г. / А.П. Деревянко, Ким Бон Гон, В.Е. Медведев, Ким Ён Мин, Хон Хён У, И.В. Филатова, В.А. Краминцев, О.С. Медведева, Хам Сан Тек, А.Л. Субботина. – Сеул: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, Гос. Ин-т культурного наследия Республики Кореи: в 3 т. – 2006. – 829 с. (на рус. и кор. яз., 44 п.л., авторский вклад 4,4 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов:

4. Субботина А.Л. Дольмены Корейского полуострова и древние культуры Приморья // Тонбуг-а чхондонгисидэ мунхва ёнгу (Культуры бронзы Северо-Восточной Азии). – Сеул: Чурюсон, 2004. – С. 205–224 (на кор. яз., авторский вклад 0,7 п.л.).

5. Субботина А.Л. Комплексы с неорнаментированной керамикой раннего железного века в бассейне р. Туманган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 460–465 (авторский вклад 0,3 п.л.).

6. Субботина А.Л. Новые данные по хронологии памятников с керамикой типа чундо центральной части Корейского полуострова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 477–482 (авторский вклад 0,3 п.л.).

7. Субботина А.Л. Культура начального периода Пэкче по данным археологии // Российское корееведение. – М.: Восток-Запад, 2007. – Вып. 5. – С. 109–125 (авторский

Субботина А.Л. Автореферат диссертации.

Written by Administrator
Friday, 09 May 2008 05:52 -

вклад 0,9 п.л.).